

Когда перечитываешь стихи Николая Некрасова, кажется, будто воскрешаешь в памяти что-то родное, пережитое — то, что время и хотело бы отодвинуть, да не может; оно навсегда остается с тобою, с твоей душой:

Однажды, в студеную зимнюю пору,
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!

Некрасовские стихи чаще всего грустны, щемяще печальны. Если поэзия Пушкина — мир солнечный, всегда освещенный лучами, то поэзия Некрасова — это русская жизнь с ее печальными подробностями. С неприкаянной бабушкой Ненилой, которая так и дожила век в прохудившейся избенке; с овдовевшей Дарьей, которую уже не дождутся в выстуженном доме дети-сироты; с волжским бурлаком, мечтающим, как об избавлении, о смерти к утру. Это русская жизнь с ее бесчисленными испытаниями и муками, идущими от беззакония власти или издевательств сильных мира сего:

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

.....
Выдь на Волгу. Чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется...
То бурлаки идут бечевою...
.....

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то все косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Сколько же таких строк, до последней буквы сверенных с народной жизнью, не сочинил, а исторг из своей зоркой души поэт! Ведь это все нужно было увидеть в будничной суете, принять близко к сердцу, оплакать и рассказать миру неостывшими, горячими словами. Говорят о Некрасове-барине. Но какое сердце надо было иметь, чтобы написать, к примеру, стихотворение «В полном разгаре страда деревенская...», — не просто отзывчивое сердце, понимающее страдание другого, а великое, смертно болящее чужой болью, находящее слова сострадания в самой глубине своей:

Приподнимая косулю¹ тяжелую,
Баба порезала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!
Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда — растрепалися косыньки, —
Надо ребенка качать!
Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..

Думаю, что любой русский поэт, умевший растревожить сердце читателя рассказом о чужих невзгодах, чужой беде, добавил в это повествование свою муку и свою слезу. Перевоплощение нетрудно, когда речь идет о радости; а когда о черном горе и кровавых слезах, то, не пережив такой беды, не сможешь со всей мёртвющей правдой описать чужое переживание.

* * *

Душа Некрасова, к несчастью, рано испытала жестокости судьбы. То, что легко, по словам поэта, «неотразимым проклятьем» на его жизнь, началось с детства. Его отец, оставший майор, был деспотом и самодуром. В своем небольшом имении Грешнево под Ярославлем он тиранически властвовал и над крепостными, и над женой, привезенной им с Украины шестнадцатилетней девушкой, и над детьми. Лучше всего в его владениях жилось охотничьим собакам, с которыми управлялись более двадцати псарей. Мать поэта, Елена Андреевна, женщина начитанная, обладавшая хорошим голосом, вынуждена была терпеть от мужа бесконечные оскорбления и унижения. «Была рабой тирана», — читаем мы у Некрасова. О трагедии самого близкого человека он рассказал в предсмертной поэме «Мать»:

¹ Косуля — соха.

Родился я в большом дому,
Напоминающем тюрьму,
В котором грозный властелин
Свободно действовал один,
Держа под страхом всю семью
И челядь жалкую свою...

Но и вокруг, за пределами родного дома и усадьбы, видел юный Некрасов немерянную бездну горя. Мимо отцовского имения проходила знаменитая Владимирка — дорога каторжников, и, как позже рассказывал поэт, «все, что по ней шло и ехало и было ведомо, начиная с почтовых троек и кончая арестантами, закованными в цепи, в сопровождении конвойных, было постоянной пищей нашего детского любопытства». И Волга, протекавшая рядом, тоже могла быть названа дорогой мучеников; на речном берегу увидел мальчишка впервые цепочку людей, потерявших человеческий облик:

Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевою,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик —
И сердце дрогнуло во мне.

.....

О горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!

Пережитое в детстве окрашивает в свои тона творчество любого поэта. Особенность некрасовской музыки заметил при первых же встречах с поэтом Федор Достоевский: «Это именно, как мне разом почувствовалось тогда, было раненное в самом начале жизни сердце, и эта-то никогда не заживающая рана его и была началом и источником всей страстной, страдающей поэзии его потом на всю жизнь».

Впрочем, и юность, встреча с «большой жизнью» не сгладили, а, наоборот, усилили детские мрачные впечатления Некрасова. В семнадцать лет он вынужден был по воле отца оставить гимназию в Ярославле и отправиться в Петербург, в военное учебное заведение — Дворянский полк. Юноша не противился поездке. Он уже писал стихи и надеялся, уйдя из-под опеки отца, учиться в университете, заниматься поэзией. Однако, едва папаша узнал о дерзком ослушании, он сразу отказал сыну во всякой поддержке. Некрасов, не знавший никакого ремесла, не имевший в столице знакомств, остался без жилья и куска хлеба. «Ровно три года, — писал он позже, — я чувствовал себя постоянно, каждый день, голодным. Приходилось есть не только плохо, не только впроголодь, но и не каждый день. Не раз доходило до того, что я отправлялся в один ресторан на Морской, где позволяли читать газеты, хотя бы ничего и не спросил себе. Возьмешь, бывало, для вида газету, а сам пододвинешь к себе тарелку с хлебом и ешь».

Мечта об университете так и не осуществилась. Поступив туда лишь через год после приезда в Петербург, да и то не «действительным» студентом, а вольнослушателем, Некрасов не смог учиться: посещать лекции и одновременно зарабатывать на пропитание оказалось невозможно. Несколько лет юноша занимался литературной поденщиной, жил в грязных ночлежках и каморках.

И как в детстве, его личные невзгоды ежедневно сливались со страданиями тысячи других бедолаг, с которыми судьба сводила Некрасова. «Я узнал, — писал он в своем романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», во многом автобиографическом, — что у великолепных и огромных домов, в которых замечал я прежде только бархат и золото, дорогие изваяния и картины, есть чердаки и подвалы, где воздух сыр и зловреден, где душно и темно и где на голых досках, на полусгнившей соломе в грязи, стуже и голоде влачатся нищета, несчастье и преступления. Узнал, что есть несчастливцы, которым нет места даже на чердаках и в подвалах, потому что есть счастливцы, которым тесны целые дома...»

В житейском смысле такая школа закалила Некрасова. Он предпринимает выпуск альманаха «Физиология Петербурга», составляет и печатает «Петербургский сборник», пригласив к сотрудничеству лучших писателей того времени, и, наконец, вместе с И. Панаевым приобретает право на издание журнала «Современник», основанного А. Пушкиным. Этот журнал, а затем, после его закрытия властями, другой — «Отечественные записки», на страницах которых публиковались В. Белинский и А. Герцен, И. Тургенев и Ф. Достоевский, Л. Толстой и И. Гончаров, Н. Добролюбов и Н. Чернышевский, Д. Григорович и М. Салтыков-Щедрин, принесли Некрасову славу собирателя отечественных талантов, самой яркой фигуры в общественной и литературной борьбе девятнадцатого века.

И эта школа определила направление таланта поэта, его творчества.

* * *

Н. Некрасов впервые в русской поэзии открыл перед читателем народную жизнь во всей ее полноте — с ее красотой и мудростью, с ее бездонным горем и мучениями. До него чуть ли не господствовавшим в литературе было мнение, которое, к примеру, без обиняков высказал писатель и журналист А. Дружинин. Он убеждал Некрасова, тогда еще молодого издателя журнала «Современник»: «Подписчики у журнала люди образованные. Ну интересно ли образованному читателю знать, что Ерема ест мякину, а Матреша воеет над павшей коровой. Право, все, что пишут о русском мужике, преувеличено. Какие это у него потребности могут быть к другой жизни? Он совершенно доволен и счастлив, если ему удастся в праздник опиться до опухолой брагой или до скотского состояния водкой».

Некрасов не только опроверг ложь о русском мужике; он увидел народную душу как душу великую: чистую и возвышенную, отзывчивую и милосердную, страдающую и терпеливую, сильную и мятежную. Ни для одного автора раньше «низменная», обыкновенная жизнь простого, заданного нуждой и рабством человека еще не была главным, постоянным предметом поэзии. Благодаря правде, беспощадной и обжигающей, на которую был способен Некрасов, благодаря его дару мастерски рисовать эту «низменную» жизнь красками точными и резкими, стихи поэта оказались неведомой ранее литературой, художественным открытием.

Н. А. Некрасов

И. Тургенев, прочитав в журнале одно из первых «истинно некрасовских» стихотворений «Еду ли ночью по улице темной...», писал из-за границы В. Белинскому: «Скажите от меня Некрасову, что его стихотворение в 9-й книжке «Современника» меня совершенно с ума свело; денно и ночью твержу я это удивительное произведение — и уже наизусть выучил». В самом деле, разве можно было с большей выразительностью нарисовать такое:

Помнишь ли день, как больной и голодный
Я унывал, выбивался из сил?
В комнате нашей, пустой и холодной,
Пар от дыханья волнами ходил.
Помнишь ли труб заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвет, полутьму?
Плакал твой сын, и холодные руки
Ты согревала дыханьем ему.
Он не смолкал — и пронзительно звонок
Был его крик... Становилось темней;
Вдоволь поплакал и умер ребенок...
Бедная! Слез безрассудных не лей!
.....
В разных углах мы сидели угрюмо.
Помню, была ты бледна и слаба,
Зрела в тебе сокровенная дума,
В сердце твоём совершалась борьба.
Я задремал. Ты ушла молчаливо,
Принарядившись, как будто к венцу,
И через час принесла торопливо
Гробик ребенку и ужин отцу.
Голод мучительный мы утолили,
В комнате темной зажгли огонек,
Сына одели и в гроб положили...
Случай нас выручил? Бог ли помог?
Ты не спешила с печальным признаньем,
Я ничего не спросил,
Только мы оба глядели с рыданьем,
Только угрюм и озлоблен я был...

Сколько чисто русских картин находим мы в стихах и поэмах Некрасова — и всегда они окрашены в цвет печали, всегда они созвучны крестьянской нужде, рекрутским слезам, унылой ямщицкой песне, грустной колыбельной... «Опять, — будто извиняясь, говорит поэт, — опять я о печальнице-родине», и это «опять» трагически повторяется сейчас, словно и не прошло полтора столетия и не изменились мир, человек, русская земля. Каким же долговечным оказалось чувство поэта, какую же непроходяще больную струну задел он, если эхо от его стихов все еще летит над нашими просторами, и не может заглухнуть оно ни в дремучих русских лесах, ни во всесветных русских даях, ни во многие переживших русских душах:

Опять пустынно-тих и мирен
Ты, русский путь, знакомый путь!
Прибитая к земле слезами
Рекрутских жен и матерей,
Пыль не стоит уже столбами
Над бедной родиной моей.
Опять ты сердцу посылаешь
Успокоительные сны
И вряд ли сам припоминаешь,
Каков ты был во дни войны, —

Когда над Русью безмятежной
Восстал немолчный скрип тележный,
Печальный, как народный стон!
Русь поднялась со всех сторон,
Все, что имела, отдавала
И на защиту высылала
Со всех проселочных путей
Своих покорных сыновей.

* * *

Некрасова можно назвать летописцем народного горя. Перечитайте его поэмы «Кому на Руси жить хорошо» и «Коробейники», «Мороз, Красный нос» и «Крестьянские дети», «Саша» и «Орина, мать солдатская», «Железная дорога» и «Несчастные», «Русские женщины» и «Дедушка», «Современники» и «Белинский». И множество стихотворений, запавших в память: «Размышления у парадного подъезда», «Вчерашний день, часу в шестом...», «Элегия» («Пускай нам говорит изменчивая мода...»), «Молебен», «Несжатая полоса» — в совокупности они представляют живую и подробную картину крестьянской России, ее нужды, вытягивающего жилы труда, варварства и рабства. А ведь сколько было вокруг прозаиков, поэтов, драматургов, бойких журналистов — и никто из них не сорвал завесу, за которой скрывалось ужасающее неустройство русской жизни. Некрасов это сделал со всей страстью народного печальника и заступника:

Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал.
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат...

«Муза мести и печали», — сказал о своей песне Некрасов. Почему «печали» — понятно. А почему — «мести»? Русские поэты никогда не воспевали месть, разве что — месть к врагу. Любое из христианских чувств могли вызвать в читательском сердце стихи отечественных поэтов: боль, жалость, участие, сострадание, но месть... Мне кажется, объяснить это чувство поэта позволит сходное состояние Льва Толстого, выраженное им спустя четверть века после смерти Некрасова. Ежедневно получая гневные письма обездоленных соотечественников, автор «Войны и мира» полностью соглашался с предупреждением, которое обращали к властителям его корреспонденты накануне первой русской революции: «На то, что власть делает с народом, может быть только один ответ: мстить, мстить и мстить!»

Некрасов не только в детстве и юности был ранен ужасающим насилием над подневольными людьми. И позже он, журналист, человек общественного склада, жадно следил за событиями в России и остро переживал любую жестокость. А вести о насилиях и об ответном народном гневном были не так уж редки. В донесении третьего отделения полиции Николаю I за 1841 год, например, говорилось: «След-

ствием об убийстве могилевского помещика Свядковского дворовыми людьми его открыто, что поводом к сему злодеянию было необыкновенно жестокое обращение его с крестьянами в продолжение 35 лет...»; «... неповиновений оказано в 27 имениях, и большею частью представлялась необходимость в употреблении воинской помощи для усмирения; в имениях графа Борха и Демидовой начальство принуждено было действовать вооруженной рукой, и в первом убито было 21 и ранено 31, а в последнем убито 33 и ранено 114 человек». В отчете за 1843 год ведомство Бенкендорфа сообщало: «Получен безымянный донос о засечении помещиком Тверской губернии Постельниковым десятилетней дворовой девочки Фирсовой. Обнаружено, что Фирсова действительно умерла от голода и побоев. В трех губерниях казенные крестьяне... с оружием в руках встретили посланные туда воинские команды, и лишь усиленными отрядами приведены в повиновение, причем ранено и убито 43 человека...» Мог ли Некрасов, зная это, писать по-иному, без гнева и возмущения:

Вот он, наш пахарь угрюмый,
С темным убитым лицом, —
Лапти, лохмотья, шапчонка,
Рваная сбруя; едва
Тянет косулю клячонка,
С голоду еле жива!
Голоден труженик вечный,
Голоден тоже, божусь!
.....
Зрелище бедствий народных
Невыносимо, мой друг.

Небезызвестный «доносчик от литературы» Фаддей Булгарин сообщал третьему отделению полиции в 1848 году: «Некрасов — самый отчаянный коммунист; стоит прочесть стихи его и прозу в С.-Петербургском альманахе, чтобы удостовериться в этом. Он страшно вопиет в пользу революции».

Но кто же готовит революции? Совсем не те, кто «вопиет» против рабства и насилия, а как раз те, кто издевается над собственной страной. Возбудители восстаний — это люди, стоящие у власти. Это они подталкивают народ к революциям, подталкивают своей жестокостью, продажностью, неспособностью обеспечить согражданам сносную жизнь. Сегодня над стихами Некрасова с недоумением слушаешь словоблудие фарисеев: «Лимит на революции вышел». Господа, вышел лимит на издевательство над замордованным народом. Прислушайтесь к поэту:

Каждой стране наступает
Рано иль поздно черед,
Где не покорность тупая —
Дружная сила нужна;
Грянет беда роковая,
Скажется мигом страна.

Страстное желание народной свободы было живым зерном в поэзии и Пушкина, и Лермонтова, и Кольцова. Но только в лирике Некрасова это зерно проросло и стало колосом, и, если окинуть взглядом всю русскую поэзию, то именно этот колос положил начало созревшему полю надежды. Россия запомнила Некрасова как провозвестника свободы, и после него отечественная литература уже не могла восприниматься иначе, как светоч в любом ненастье, в обступившем сумраке, во временной тьме. Было неслыханным доселе делом, чтобы в поэзии звучал бесстрашный и оправданный призыв нести

Необузданную, дикую
К угнетателям вражду
И доверенность великую
К бесконечному труду.

С этой ненавистью правою,
С этой верою святой
Над неправдою лукавою
Грянешь божьею грозой...

Одна из петербургских газет писала тогда: «Не по звучности стиха, не по поэтической обработке формы, а по самому содержанию, близкому каждому сердцу, невольно задевающему его за живое, по животрепещущему интересу мысли, по ее гуманности, по состраданию к страждущему, по юмору, иногда желчному и даже несколько болезненному, по страстному драматизму, — произведения Некрасова пользуются общей любовью, горячим сочувствием, и уже тогда, когда порознь помещались в журналах, многими выучивались наизусть или выписывались в особые тетрадки».

Некрасов много думал о собственном жребии певца; определив его для себя, он оставил такой завет следующим поколениям лириков:

А ты, поэт! избранник неба,
Глашатай истин вековых,
Не верь, что не имущий хлеба
Не стоит вещей струн твоих!..
Будь гражданин! Служа искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей любви.

* * *

Стихи Некрасова словно бы вторят житейскому крестьянскому разговору, задушевной народной песне. Кажется, что его поэзии изначально присущ национальный склад. Он открыл мир нашей бытовой жизни, как мир духовный и нравственный, найдя в этом сочетании русского быта и духовности истинную, бесценную красоту. В отечественной, да и в мировой, лирике немного найдется поэтов, которые бы, как Некрасов, рассказали столько житейских историй, составивших в совокупности то, что мы называем народным бытием; открыли столько людских судеб, составивших в совокупности народную судьбу. И все эти истории и судьбы освещены светом земной красоты и целительного сочувствия. Мы со школьной скамьи запомнили наизусть печальные строки из поэмы «Мороз, Красный нос»:

...Саврасушка, трогай,
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!
Чу! Два похоронных удара!
Попы ожидают — иди!
Убитая, скорбная пара,
Шли мать и отец впереди.
Ребята с покойником оба
Сидели, не смея рыдать,
И, правя савраской, у гроба
С вожжами их бедная мать

Шагала... Глаза ее впали,
И был не белей ее щек
Надетый на ней в знак печали
Из белой холстины платок...

Но едва ли отдавали мы себе отчет в том, что история бедного Прокла, его несчастной жены Дарьи и неприкаянных детей на всю жизнь западет в нашу память, обретет житейскую правду, как трагедия, словно бы случившаяся на наших глазах и потрясшая нас, — едва ли сознавали мы, что она запечатлется как живая картина в нашей судьбе во многом из-за сопровождающих ее чудесных, незабываемых строк о крестьянском труде, о русской природе, Например, этих:

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идет — по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде...

Наверно, в своем родовом Грешневе и позже, в местах, где Некрасов охотился, он не только увидел людское горе, но и наслушался сочных разговоров, шуточных перепалок, затейливых словечек, посмотрелся старинных обрядов, искусных розыгрышей. Все это перешло в книги поэта:

Ой! легка, легка коробушка,
Плеч не режет ремешок!
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенок.
Дал ей ситцу штуку целую,
Ленту алую для кос,
Поясок — рубаху белую
Подпоясать в сенокос —
Все поклала ненаглядная
В короб, кроме перстенька:
«Не хочу ходить нарядная
Без сердечного дружка!»

Много таких простонародных обычаев приоткрыл Некрасов, много обрядов — сватовства ли, похорон ли, начала ли жатвы, конца ли страды — обрядов, сложившихся в русской жизни за века, вывел он на свет, словно говоря: «Полюбуйтесь-ка на родное богатство, русские люди, подивитесь таланту и мудрости предков!» В поэме «Кому на Руси жить хорошо» чуть не каждый герой бает о своем житье-бытье или тяготах сельского мира не стертymi словами, а с особым словесным выходом, со своим приговором и присказкой. К примеру, крестьянка Матрена Тимофеевна решила поведать странникам о своей жизни обстоятельно, с подробностями, и начала свою повесть с юности, с дозамужней поры. Приехал к ней парень со сватами — всю ночь не спала невеста, мысленно увещевала жениха:

Ах! что ты, парень, в девице
Нашел во мне хорошего?
Где высмотрел меня?
О святках ли, как с горок я
С ребятами, с подругами
Каталась, смеючись?
Ошибся ты, отецкий сын!
С игры, с катанья, с беганья,
С морозу разгорелось
У девушки лицо!
На тихой ли беседушке?
Я там была нарядная,
Дородства и пригожества
Понакопила за зиму,
Цвела, как маков цвет!
А ты бы поглядел меня,
Как лен треплю, как снопики
На риге молочу...
В дому ли во родительском?..
Ах! Кабы знать! Послала бы
Я в город братца-сокола:
«Мил-братец! Шелку, гарусу
Купи — семи цветов,
Да гарнитуру синего!»
Я по углам бы вышила
Москву, царя с царицею,
Да Киев, да Царьград,
А посередке — солнышко,
И эту занавесочку
В окошке бы повесила,
Авось ты загляделся бы, —
Меня бы проморгал!..

От внимания к разговорному крестьянскому языку идет и смелость Некрасова в художественном употреблении любого слова. Известно, что народ может поставить ходячее словечко в такое соседство, что никакому краснобаю не при-
снится:

Под косою трава валилася,
Под серпом *горела* рожь...
.....
Уж овечка *опушается*,
Чуя близость холодов...
.....
Над болотом *засинелася*,
Понависнула роса...
.....
Дождик, что ли, собирается,
Ходят по небу *бычки*...
.....
Тит домой. Поля *не ораны*,
Дом растаскан на *кочки*...

И сколько поэзии разлито по страницам этого «социального» сочинения!

Ночь тихая спускается,
Уж вышла в небо темное
Луна, уж пишет грамотку
Господь червонным золотом

По синему по бархату,
Ту грамотку мудреную,
Которой ни разумникам,
Ни глупым не прочесть.

Или еще:

Весной, что внуки малые,
С румяным солнцем-дедушкой
Играют облака.
Вот правая сторонushка
Одной сплошною тучею
Покрылась — затуманилась,
Стемнела и заплакала:
Рядами нити серые
Повисли до земли.
А ближе, над крестьянами,
Из небольших, разорванных,
Веселых облачков
Смеется солнце красное,
Как девка из снопов.

Можно приводить красочные строки из поэм и стихотворений Некрасова еще и еще — они опровергают расхожее мнение о том, что наш классик — будто бы поэт идеи, что художественное, эстетическое было чуждо ему. Это неправда. Некрасов всегда носил в душе то идеальное, что отличает подлинного художника. Как-то он убеждал Тургенева: «...уйди в себя, в свою молодость, в любовь, в неопределенные и прекрасные по своему безумию порывы юности, в эту тоску без тоски — и напиши что-нибудь этим тоном. Ты сам не знаешь, какие звуки польются, когда раз удастся прикоснуться к этим струнам сердца, столько жившего, как твое, — любовью, страданием и всякой идеальностью».

Сам он во многих и многих произведениях — от первых стихотворений о любви: «Пуускай мечтатели осмеяны давно...» и «Когда из мрака заблужденья...» до последней предсмертной, как бы прерываемой рыданиями, поэмы о матери — излил столько нежности, благодарности жизни и людям, что стал любимейшим поэтом соотечественников.

* * *

У этого революционного демократа, каким в двадцатом веке представляло его наше литературоведение, была истинно христианская душа. В поэме «Тишина» он восклицал при виде православной церкви на нищей русской земле:

Храм воздыханья, храм печали —
Убогий храм земли твоей:
Тяжеле стонов не слышали
Ни римский Петр², ни Колизей!
Сюда народ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил —
И облегченный уходил!
Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной...
Я внял... я детски умилился...
И долго я рыдал и бился.

² Собор святого Петра в Риме.

Мы говорили о том, какой болью отзывалось в душе Некрасова бесконечное терпение народа. Но вглядываясь в русского человека, поэт никогда не путал в нем покорность с доброю, отзывчивостью, стойкостью в беде. Припомните героев его поэм, припомните, как относятся они к Божьим заповедям, по каким нравственным законам они живут. Например, Орина, мать солдатская, так отвечает на вопрос, почему умер ее сын-богатырь, вернувшись домой после солдатчины:

Не любил, сударь, рассказывать
Он про жизнь свою военную,
Грех мирянам-то показывать
Душу — богу обреченную!
Говорить — гневить всевышнего,
Окаянных бесов радовать...
Чтоб не молвить слова лишнего,
На врагов не подосадовать,
Немота перед кончиною
Подобает христианину.
Знает бог, какие тягости
Сокрушили силу Ванину!

По убеждению Некрасова, простолюдина не считает за человека как раз тот, у кого нет Бога в душе. И мучитель, и стяжатель, и мздоимец, для которых нет суда земного и которые не боятся суда небесного, вызывают у поэта саркастические строки:

Счастлив, кому мила дорога
Стяжанья, кто ей верен был
И в жизни ни однажды бога
В пустой груди не ощутил.

Сам поэт всегда «ощущал в груди» Бога. Его душа умягчалась, когда он говорил о Божьем соборе, о церковном звоне, о праведных людях. Тут он часто доходил до слившейся воедино земной и небесной песни:

Чу! Тянут в небе журавли,
И крик их, словно перекличка
Хранящих сон родной земли
Небесных часовых, несется
Над темным лесом, над селом,
Над полем, где табун пасется,
И песня грустная поется
Перед дымящимся костром...

Так что ныне нам приходится открывать «нового» Некрасова, хорошо чувствовавшего редкую красоту чистой души, ее близость к Божьему образу. Да и не мог быть иным поэт, который писал:

Храм божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.

* * *

Особая сердечность и какая-то виноватость перед другой душой, незащищенной и страдающей, воплотились в стихах Некрасова, обращенных к женщинам. Не знаю, имел ли право какой-то другой русский поэт сказать в конце своего пути, как Некрасов:

Но я всю жизнь за женщину страдаю.
К свободе ей заказаны пути;
Позорный плен, весь ужас женской доли,
Ей для борьбы оставил мало сил...

Казалось, поэт торопился запечатлеть в стихах светоносные характеры своих современниц, какого бы сословия — «низкого» или «благородного» — они ни были. Крестьянка Дарья из поэмы «Мороз, Красный нос», Саша из одноименного повествования, Орина, мать солдатская, жены декабристов — княгини Волконская и Трубецкая из поэтической дилогии «Русские женщины», наконец, героини лирических признаний Некрасова — все эти образы отложились в нашем сердце, как родственные, дорогие. Почему? Может быть, потому, что нас в стихах поэта трогает необыкновенное понимание женской души, сопереживание с нею и благодарность за свет и доброту. С особой силой эта нота звучит в поэме «Мать»:

И если я легко стяхнул с годами
С души моей тлетворные следы
Поправшей все разумное ногами
Гордившейся невежеством среды,
И если я наполнил жизнь борьбою
За идеал добра и красоты
И носит песнь, слагаемая мною,
Живой любви глубокие черты, —
О мать моя, подвигнут я тобою!
Во мне спасла живую душу ты!

В любовных стихах Некрасова нет того традиционного романтизма, которым обычно лирический герой окутывает свое чувство. У Некрасова в интимной лирике, как и в других сочинениях, много бытовых подробностей. Предмет его поклонения — не эфемерный, возвышенный образ, а земная женщина, живущая в той же будничной среде, что и поэт. Но это не значит, что его любовь оказывается нарочито приземленной, лишенной высокого поклонения и чистой поэзии. Счастье и страдание любящих людей, ежедневно соприкасающихся с прозой жизни, с житейскими невзгодами, передаются Некрасовым строками столь же трагическими и безмятежными, отчужденно-холодными и огненно-страстными, как и бессмертные строки других прославленных певцов:

Ты всегда хороша несравненно,
Но когда я уныл и угрюм,
Оживляется так вдохновенно
Твой веселый, насмешливый ум.
Ты хохочешь так бойко и мило,
Так врагов моих глупых бранишь,
То, понутив головку уныло,
Так лукаво меня ты смешишь;
Так добра ты, скупая на ласки,
Поцелуй твой так полон огня,
И твои ненаглядные глазки
Так голубят и гладят меня, —
Что с тобой настоящее горе
Я разумно и кротко сношу
И вперед — в это темное море —
Без обычного страха гляжу...

Все адресаты некрасовских стихов о любви — это женщины, которые поддерживали его в жизненных невзгодах, самоотверженно делили с ним испытания судьбы. В 1848 году гражданской женой поэта становится Авдотья Яковлевна

Панаева, настоящая русская красавица, женщина с литературным талантом. Вместе с Николаем Алексеевичем она написала роман «Три стороны света»; ее воспоминания стали интереснейшим рассказом о литературной жизни России середины девятнадцатого века. А. Панаевой посвящены многие стихи поэта, ставшие украшением русской лирики. Читая их, отмечаешь особенность лирических откровений Некрасова: в его признаниях нет поэтических домислов, натяжек; здесь факт биографии, семейная, бытовая история подняты до высокого искусства. Вот стихотворение 1855 года, когда поэта поразила недуг, казавшийся ему смертельным:

Тяжелый крест достался ей на долю:
Страдай, молчи, притворствуй и не плачь;
Кому и страсть, и молодость, и волю —
Все отдала, — тот стал ее палач!

Давно ни с кем она не знает встречи;
Угнетена, пуглива и грустна,
Безумные, язвительные речи
Безропотно выслушивать должна:

«Не говори, что молодость сгубила
Ты, ревностью истерзана моей:
Не говори!.. близка моя могила,
А ты цветка весеннего свежей!..»

Н. Чернышевский справедливо называл стихи Некрасова о любви «поэзией сердца». Из глубин сердца, восторженного и трезвого, благодарного и измученного, всплывали строки таких изумительных стихотворений, как «Я не люблю иронии твоей...», «Прощанье», «Ты меня отослала далеко...», «О письма женщины, нам милой...», «Мы с тобой бестолковые люди...». Не могу не привести первое из них. Здесь все: и напряжение лирического чувства, и благородная интонация, и стилистическая отточенность строк, и философское осмысление сказанного — все подчинено тому, чтобы песнь во славу любви была поэтически высокой и в то же время житейски близкой любому читателю:

Я не люблю иронии твоей.
Оставь ее отжившим и нежившим,
А нам с тобой, так горячо любившим,
Нам рано предаваться ей!

Пока еще застенчиво и нежно
Свидание продлить желаешь ты,
Пока еще кипят во мне мятежно
Ревнивые тревоги и мечты —
Не торопи развязки неизбежной!

И без того она недалеко:
Кипим сильнее, последней жажды полны,
Но в сердце тайный холод и тоска...
Так осенью бурливее река,
Но холодней бушующие волны...

Последние годы жизни и особенно предсмертные месяцы поэту скрасила другая женщина — Фекла Анисимовна Викторова. Дочь солдата, сирота, она была моложе Николая Алексеевича на тридцать лет. «От нее веяло душевной добротой и глубокой привязанностью к Некрасову», — писал литератор А. Кони. Поэт называл ее по-своему — Зиной, Зинаидой Николаевной. Незадолго до смерти Некрасов обвенчался с ней, чтобы обеспечить ей право на наследование.

И в стихах, обращенных к Зине, все тот же лирический герой: страдающий от жес-

токой болезни, он понимает, что невольной терзает и близкую женщину, и потому стремится поддержать ее своей благодарностью, своим утешением:

Да не плачь украдкой! — Верь надежде,
Смейся, пой, как пела ты весной,
Повторяй друзьям моим, как прежде,
Каждый стих, записанный тобой.

Говори, что ты довольна другом:
В торжестве одержанных побед
Над своим мучителем недугом
Позабыл о смерти твой поэт!

* * *

Когда-то В. Белинский справедливо заметил: «Для истинного художника — где жизнь, там и поэзия». Некрасов умел находить поэзию в обыкновенной жизни, да еще в такие времена, когда для миллионов русских людей она была подневольна и мрачна. Но уныние и безнадежность казались ему страшнее смерти. Поэт оставил нам множество свидетельств своей непреклонной веры: «Сбирается с силами русский народ...», «Вынесет все — и широкую, ясную грудь дорогу проложит себе...», «Не погиб еще тот край, что выводит из народа столько славных то и знай...»

Часто напоминают некрасовское:

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России, —
Там вековая тишина.

Но есть у поэта и другие строки о тишине — совсем не о гнетущей:

Над всею Русью тишина,
Но — не предшественница сна:
Ей солнце правды в очи блещет
И думу думает она.

Россия и сегодня думает думу. И в этом, как мудрый советчик, ей помогает Николай Некрасов.

